

ПАЛЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ФЕНОМЕН НАСЛЕДИЯ

М.Е. Кулешова, Инст ит ут Наследия, г.Москва

(опубликовано в «Наследие и современность», вып.16. – М.: Инст ит ут Наследия, 2008. – с.58-102)

Культурные ландшафты в системе ценностей наследия

Человеческое общество структурирует окружающий мир и выделяет в нём наиболее значимые, ценные для него локусы, понятия о которых рождаются, живут, развиваются, преобразуются, умирают, возникают вновь, отражая непростую эволюцию человеческих ценностей. Многое изменяется и утрачивается из-за постоянного конфликта интересов различных социальных слоёв в рамках того же общества. В XX веке этот процесс получил научные обоснования, а в практике территориального управления привел к выявлению, учету и охране уникальных природных комплексов и объектов, а также выдающихся памятников истории и культуры. С середины XX века принимаются многочисленные международные соглашения, закрепляющие договорённости стран о сохранении разнообразных природных и культурных раритетов. В конце XX века была принята конвенция ЮНЕСКО о Всемирном природном и культурном наследии (World Heritage Convention, 1978), благодаря стремительному распространению идей которой были выработаны международные принципы и подходы к комплексному выявлению и сохранению как природного, так и культурного достояния, признаваемого различными народами Земли. Эти принципы и подходы зафиксированы в Руководящих указаниях ЮНЕСКО по применению конвенции о Всемирном наследии (Operational Guidelines on the Implementation of the World Heritage Convention), периодически дополняемых и уточняемых. Последняя их редакция вступила в силу в 2005 г.

В числе объектов культурного наследия, которым уделено особое внимание в Руководящих указаниях, значатся культурные ландшафты. Это понятие было введено в данный документ и получило пространные разъяснения в 1992 г., после чего многие страны стали активно использовать его, и Список Всемирного наследия пополнился несколькими десятками объектов, представленных как культурные ландшафты. Понятие и представление о культурных ландшафтах в научной литературе возникли много раньше, но именно в рамках конвенции они стали рассматриваться как категория наследия. Надо признать, что это был весьма важный методологический шаг, определивший переход к целостному видению территориальных комплексов наследия, а не только отдельных фрагментов окружающего нас мира. Культурные ландшафты понимаются как результат совместного формирования территориального комплекса человеком и природой, в

котором запечатлён как позитивный опыт их взаимодействия, так и конфликты в человеческой истории. Такой подход позволяет более адекватно использовать имеющиеся средства территориального управления при решении задач охраны наследия и его актуализации в современной жизни. В России, как и в других странах мира, комплексность охраны наследия обеспечивается созданием охраняемых территорий. Российская практика охраны наследия оперирует такими понятиями, как особо охраняемые природные территории, историко-культурные музеи-заповедники, историко-культурные заповедники, достопримечательные места.

Культурный ландшафт становится объектом наследия, когда представляет историко-культурную ценность. Можно сказать, что любой культурный ландшафт в большей или меньшей степени обладает такой ценностью и это качество ландшафта надо поддерживать и развивать. Однако к объекту наследия целостный ландшафт может быть отнесён только тогда, когда его историко-культурная ценность становится исключительной, особой. Она достигает этого уровня, когда начинает определять направление развития территории, её ведущие функции. Именно в таком случае создаются особо охраняемые природные территории, учреждаются музеи-заповедники, а поселения получают статус исторических, и для них разрабатываются историко-культурные (историко-архитектурные) опорные планы. Историческая функция, традиция и культурные коды будут определять «специализацию» такого ландшафта.

Археологический ландшафт и палеокультурный ландшафт

Культурные ландшафты, представленные в Списке Всемирного наследия, имеют наименования главным образом по географическому названию места, но в ряде случаев в наименовании содержится указание на типологическую разновидность ландшафта. Так, можно назвать «Сельскохозяйственный ландшафт Южного Эланда» (номинация Швеции 2000г.), или «Индустриальный ландшафт Блэванона» (номинация Великобритании 2000г.), или, наконец, «Археологический ландшафт первых кофейных плантаций Кубы» (номинация Кубы 2000г.) и «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» (номинация Казахстана 2006г.). Именно на археологические ландшафты как на тип культурных ландшафтов и хотелось бы обратить внимание. Список Всемирного наследия на 2007 г. включал 851 объект от 150 стран, из них 660 объектов относились к культурному наследию, 166 – к природному и 25 – к смешанному, а именно природно-культурному. Официально признанных культурных ландшафтов было 60, то есть их количество уже составляет чуть менее 10% в составе культурного наследия, хотя эта

категория появилась и стала учитываться только с 1992 г. (напомним, что Конвенция о Всемирном природном и культурном наследии вступила в силу в 1972 г.). Если же взглянуть на краткие описания объектов Списка, которые систематически публикуются и вывешиваются на сайтах ЮНЕСКО (<http://whc.unesco.org/en/culturallandscape>), то мы увидим, что культурных ландшафтов там значительно больше, однако они по тем или иным причинам не были номинированы в этом качестве. Из 60 официально учтённых на 2007 г. культурных ландшафтов 10 (17%) представляют именно археологическое ландшафтное наследие. Это, главным образом, сакральные комплексы и селитебные территории, единично представлены фортификационные, индустриальные и сельскохозяйственные ландшафты. Кроме того среди оставшихся 50 номинаций есть культурные ландшафты, где археологическое наследие относится к числу ведущих, но не единственных ценностей, при том, что оно может быть представлено отдельными объектами, а не целостным территориальным комплексом.

Видовое понятие «археологический ландшафт» использовано только в двух из 10 ландшафтно-археологических номинаций, в других 8 случаях его не используют¹. Приведём краткие описания этих двух номинаций «археологических» ландшафтов: «Остатки кофейных плантаций XIX в. у подножия гор Сьерра-Маэстра – это уникальное свидетельство ранних форм сельского хозяйства, развивавшегося на сложной для освоения территории. Они помогают значительно лучше понять экономическую, социальную и технологическую историю Карибского региона и Латинской Америки» (Куба, 2000). «В ущелье Тамгалы, которое располагается посреди обширных засушливых Чу-Илийских гор, отмечено уникальное скопление около 5 тыс. петроглифов (наскальных рисунков), датируемых от второй половины II-го тысячелетия до н.э до начала XX в. Здесь обнаружено огромное количество древних захоронений, включая каменные ящики-цисты (средний и поздний бронзовый век), а также курганы, сложенные из земли и камней (начиная с раннего железного века до недавнего времени). Центральный комплекс выделяется самой плотной концентрацией петроглифов и предположительно алтарей, что указывает на возможное церемониальное предназначение этого места для жертвоприношений» (Казахстан, 2004).

Основываясь на этих примерах, можно с уверенностью отнести к археологическим ландшафтам все те, где археологические ценности являются определяющими. Приведём ряд выдержек из кратких описаний (www.heritage.unesco.ru), иллюстрирующих признание мировым сообществом археологических территориальных комплексов культурными ландшафтами. Таковы, например, «Скальные жилища Бхимбетка», которые находятся у

¹ Культурные ландшафты Списка Всемирного наследия с выраженной археологической доминантой: Наскальное искусство культурного ландшафта Гобустана (Азербайджан, 2007), Острова Сент-Килда (Великобритания, 2005), Холмы Матобо (Зимбабве, 2003), Дорога ладана – города в пустыне Негев (Израиль, 2005), Скальные жилища Бхимбетка (Индия, 2003), Национальный парк Тингвеллир (Исландия, 2004), Чиленто и национальный парк Валло-ди-Диано с археологическими местами Пестума и Веллы и монастырём Чертоза-ди-Падула (Италия, 1998), Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы (Казахстан, 2004), Археологический ландшафт первых кофейных плантаций юго-востока Кубы (Куба, 2000), Культурный ландшафт Тямпасак с храмовым комплексом Ват-Фу (Лаос, 2001), Археологическое место культурного резервата Кярнаве (Литва, 2004), Сельскохозяйственный ландшафт Южного Эланда (Швеция, 2000), Культурный ландшафт Мапунгубве (ЮАР, 2003).

подножья гор Виндхья в южной части Центрального Индийского плато. В массивных известняковых скалах, возвышающихся над довольно густым лесом, располагаются пять групп естественных скальных укрытий с росписями, представляющими период от мезолита до конца доисторического времени. Культурные традиции жителей 21 деревни, которые расположены вблизи этого объекта, имеют большое сходство с сюжетами, представленными на скальных изображениях». Другой пример - «Дорога ладана» в пустыне Негев, по которой шла торговля ладаном и миррой из южной Аравии в Средиземноморье в период с III в. до н.э. по II в. н.э. «Следы совершенных оросительных систем, руины городских сооружений, крепостей и караван-сараев показывают, каким образом суровая пустыня осваивалась людьми, вознамерившимися заниматься здесь торговлей и развивать сельское хозяйство». Или – культурный резерват Кярнаве, «расположенный в долине реки Нярис, включает археологические остатки древнего города Кярнаве, фортов, нескольких неукрепленных поселений, а также захоронений и иных памятников, относящихся к периоду времени от позднего палеолита до средневековья. Здесь можно наблюдать следы древнего землепользования, а также остатки пяти древних укрепленных городищ, являющихся частью мощной оборонительной системы». Тот же ряд продолжает «Культурный ландшафт Мапунгубве». «Это ландшафт открытых обширных саванн у слияния рек Лимпопо и Шаше. Мапунгубве превратилось в крупнейшее на юге континента королевство, существовавшее вплоть до XIV в. Сохранились почти в неизменности остатки дворцов и всей связанной с ними жилой зоны. Здесь можно также увидеть руины двух более ранних столиц. В целом это дает представление о социальном и политическом развитии данного района в течение более чем 400 лет». Подобных примеров в Списке Всемирного наследия множество, здесь предьявлены только некоторые из тех, что формально отнесены к культурным ландшафтам.

Предметные развёрнутые описания археологических ландшафтов в отечественных публикациях, которые можно адаптировать к задачам охраны наследия, единичны. Это работы Г.П. Гарбузова по Таманскому полуострову, Г.Б. Здановича по «Стране Аркаим» и Н.А. Кренке по Подмосковию. Ни один из этих исследователей не использует видového понятия «археологический ландшафт», однако именно ему посвящены их работы. Есть исследования, содержащие достаточно подробные ландшафтные характеристики и ландшафтный анализ мест размещения археологических памятников (Паромов, 1992, Гусев, 1997, Низовцев, 2004). Понятие «археологический ландшафт» встречается в некоторых отечественных публикациях как достаточно случайное словосочетание, не имеющее строго очерченных понятийных рамок и, тем более, описания характерных черт такого ландшафта (Погодин, 2000, Мартынов А.И., 1985, «Золотой человек»..., Замороженные...). В зарубежной научной литературе оно используется с несколько большей определённостью и даже фигурирует в названиях коллективных монографий – например, в книге «Пространство, время и археологические

ландшафты» (Space..., 1992). Тем более парадоксально, что его определения в данной монографии также не содержится. Из контекста можно заключить, что под археологическим ландшафтом понимается территория древнего природопользования, в пространстве которой с определённой частотой и закономерностью встречаются археологические находки и памятники археологии. В центре внимания находится методологический конфликт двух концепций: “archaeological sites” (археологических участков) и “distributional approach” (анализа пространственного распространения археологических находок). Последняя концепция более адекватна ландшафтному подходу в археологии, в основе её лежит археологический анализ территории и систем древнего природопользования – то есть весь ландшафт рассматривается как объект археологического исследования, а не только как места локализации археологических находок (archaeological sites), совпадающие, как правило, с системой древнего расселения (settlement patterns). Распределение археологических находок ставится в зависимость от структуры ландшафта, что позволяет более полно уяснить социальную и экономическую организацию древних сообществ и взаимодействие социальных и экологических систем (Rossignol, 1992).

Археологическому исследованию подвергается целостный территориальный комплекс, а не фрагмент с локализацией находок. Так, например, рассматриваются пасторальные и земледельческие системы горной Греции, сформировавшиеся со времён неолита, куда входят и поселения, и объекты пастбищной инфраструктуры, и районы выпаса, которые исследуются во взаимосвязи с ландшафтными и экологическими условиями в их динамике (Chang, 1992). Палеоландшафты долины Иллинойса исследуются как арена природопользования древних охотников-собирателей в среднем голоцене и устанавливается зависимость между морфологической структурой ландшафта, формы которого отчасти сохранились, а отчасти погребены, и закономерностями пространственной мобильности этих сообществ (Stafford, Hajic, 1992). В Южной Ирландии археологические ландшафты изучаются как совокупность взаимосвязанных природных и культурных компонентов, определяющих характер и разнообразие земной поверхности в прошлом, с целью изучения динамики перехода от сообществ присваивающих (древних собирателей и охотников мезолита и неолита) к сообществам производящим (земледельцы и скотоводы бронзового века) (Zvelebil, Green, Macklin, 1992). Следовательно, научную ценность представляют не только места локализации находок и выявляемые по ним системы древних поселений (так называемые памятники археологии – sites), но весь территориальный комплекс, являющийся ареной

природопользования древних сообществ собирателей, охотников, земледельцев или скотоводов. В обсуждаемом здесь аспекте напрашивается вывод, что объектом наследия следует считать ландшафт, а не только узко локализованный участок массового выявления археологических объектов, что, к сожалению, превалирует в отечественной археологии. Концепции 15-летней давности, применявшиеся в США, Мексике, Греции, Ирландии, Индии, постепенно стали использоваться и российскими археологами. Учет ландшафтных особенностей и местоположения археологических памятников достаточно традиционен и не нов, но только теперь собственно ландшафт приобрел качество объекта археологического изучения и археологического наследия.

С точки зрения этимологии словосочетание «археологический ландшафт» многими археологами не признано удачным и не используется, хотя признаётся наличие культурных ландшафтов, имеющих особую археологическую ценность. Действительно, археология – научная дисциплина и сфера исследовательской деятельности. Тогда археологический ландшафт – это ландшафт, предназначенный для ведения археологических исследований и выделяемый по особенностям распределения и локализации археологических находок, где раскопки – основной исследовательский метод археологии. Можно ли назвать археологическим ландшафт, в котором не проводилось археологических исследований, но характерной чертой которого являются следы жизнедеятельности древних цивилизаций? Очевидно, не один только археологический раскоп и выявленные в нём следы исчезнувшей культуры составляют ценность археологического наследия. Существуют памятники археологии, выявляемые визуально – курганы, дольмены, святилища, городища и др. Когда тот или иной памятник (совокупность памятников) археологии становится значимой, характерной чертой ландшафта и представляет собой исключительную культурную ценность – тогда есть основания отнести данный ландшафт к археологическому культурному ландшафту или, что более удачно в терминологическом аспекте, к палеокультурному ландшафту – территории природно-культурному комплексу, характерными чертами которого служат сооружения, конструкции и/или культурные слои древних исчезнувших культур. Палеокультурный ландшафт – всегда реликт, сохранившийся благодаря обстоятельствам времени и местоположения. Сохранность его структур и целостность в отношении к современному ландшафту зависят от способов и интенсивности современного природопользования и степени унаследованности исторических функций. В условиях длительного селитебного использования палеокультурный ландшафт может оказаться погребённым в культурном

слое, но и в этом случае он может представлять ценность и быть актуализирован. За прошедшее столетие в системе природопользования появилась новая функция – функция охраны природного и культурного наследия, что привело к созданию системы охраняемых территорий и повлияло на сохранность как исторических, так и палеокультурных ландшафтов, примеры выявления и сохранения которых мы рассмотрим.

Примеры идентификации и проблемы сохранения палеокультурных ландшафтов

Таманская земля. По свидетельству археологов, каждая пядь земли обширного Таманского полуострова представляет археологическую ценность, объекты археологического наследия буквально образуют сплошной ковер, ведь территория эта интенсивно осваивалась многие тысячелетия. Удивительное чувство начинаешь испытывать, ступая ногами по осколкам керамики тысячелетней давности, устилающей приморские улицы и окрестности станицы Тамани. Древняя история и культура постоянно напоминают здесь о себе современному человеку. В соответствии с законодательством каждый памятник археологии должен находиться под государственной охраной и имеет федеральное значение. Одновременно на Таманском полуострове наблюдается небывалый строительный бум: строятся порты, терминалы, дороги, инженерные сети, трубопроводы, отели, коттеджи, дворцы и пр. Понятно, что развиваются в первую очередь селитебные территории, а они во многих случаях приурочены к древним боспорским городам – уникальным для России археологическим комплексам. Понятно, что происходит катастрофическое уничтожение разнообразных археологических памятников. Законодательство оказывается бессильным перед стихией жизни. Остановить этот процесс невозможно, но можно думать о его упорядочении, регламентации и вычленении отдельных ландшафтных комплексов как наиболее репрезентативных или уникальных образцов многочисленных древних культур, освоивших и оставивших эту территорию. Археологическая ценность территории должна быть ранжирована, чтобы было ясно, какие участки не должны подвергаться освоению ни при каких обстоятельствах, где и в каких пределах можно допустить освоение, а какие уже вышли из-под контроля, и археологу остался только «подъёмный материал» из-под бульдозера. Надо признать, что на сегодня такого ранжирования для объектов археологического наследия не предусмотрено, хотя для района Таманского полуострова разработаны содержательные карты по размещению известных и поставленных на охрану памятников археологии.

По истории и археологии Таманского полуострова написано очень много работ, исследования продолжаются и выявляются новые свидетельства пребывания здесь древних культур. Существуют серьёзные исследования по топографии археологических объектов (Гарбузов, 2003, 2004, 2007; Паромов, 1992, 1997), содержащие важные ландшафтные характеристики. Очевидно, что без указания ландшафтного местоположения не может быть описан ни один памятник археологии. Однако очевидна и разница в предметах: положение памятника археологии в природном ландшафте и собственно ландшафт как объект археологического наследия. Возможно, кому-то это покажется казуистикой, но, говоря об охране ландшафтов в связи с проблемами археологического наследия, обычно имеют в виду сохранение естественного вида местности, окружающей конкретный памятник. Если памятник утрачивается, то исчезает и предмет интереса. Но если саму местность рассматривать как палеокультурный ландшафт – объект наследия, тогда изменяются акценты, ведь отдельный памятник археологии становится лишь элементом такого ландшафта – пусть ключевым, но всё же элементом.

Приведём пример. На Таманском полуострове находится множество курганов, как, впрочем, и на всём степном юге России это не редкость. Курганы - специфичная черта данного культурного ландшафта, ритмически повторяющийся его элемент. Множество курганов вскрыты и разграблены либо подверглись археологическим раскопкам. С расстояния это видно по «срезанным» или двуверхим вершинам и оставленной яме-раскопу в центре. С точки зрения археологической науки такие объекты себя отчасти исчерпали. С точки зрения человеческой морали - это осквернённые могилы далеких предков, которые цивилизованные потомки не считают нужным хотя бы закрыть. А вот с точки зрения исторического культурного ландшафта - это неотъемлемая его составляющая, наполняющая его историческим смыслом и ассоциациями с событиями далёкого прошлого. Убери их – и историю можно переписывать. При строительстве и земляных хозяйственных работах они уничтожаются массово. Те, что не были вскрыты – раскапываются, исследуются и планомерно уничтожаются хозяйствующими субъектами (например, при строительстве дорог, или при создании рисовых чеков). В сфере охраны культурного наследия даже введён соответствующий термин – «исследование на снос». Для части археологов это настоящий «клондайк»: можно удовлетворить свой исследовательский зуд за счет инвестора и что-то заработать.

Массовое распространение курганов создаёт иллюзию, что это объект типовой, обычный и ничего не случится с некоторым уменьшением их количества. Но если мы

обратимся к ландшафту – то ландшафт-то оказывается уникальным именно потому, что курганы в нём – обычное явление. Некоторое уменьшение «обычного» приводит в данном случае к уничтожению уникального. Сколько печальных примеров можно привести из нашей современности! Например, саамские традиционные земляные жилища были обычны ещё в 60-х годах. А сегодня их вообще не осталось. Саамы переселились в более комфортные деревянные дома. Не осталось ни одного поселка для наглядности потомкам! В музее народа саами в Варангере (Норвегия) приходится демонстрировать посетителям новоделы, поскольку аутентичных построек не сохранилось. Русские бани по черному – самое обыденное явление для русской северной деревни ещё до недавнего времени. Но сегодня приехавший из столицы архитектор, увидев такую баню, торопится запечатлеть её на свой фотоаппарат – обычное становится единичным, этнографической редкостью. В зауральских степях саманные жилища были обычны ещё в 80-х годах, но сегодня их уже нет, а единичные саманные постройки хозяйственного назначения рассыпаются в прах прямо на глазах. В донских степях на казачьих дворах уже редко можно увидеть камышовую крышу или плетень из краснотала. Также и курганы в южнорусских степях, и дольмены на Кавказе, и погребённые города Боспора в очень короткий срок могут повторить судьбу некогда многочисленных американского бизона или странствующего голубя.

Многие народы оставили на таманской земле следы своего пребывания, и сложившееся разнообразие археологических культур является несомненным достоянием этой территории, придаёт ей черты исключительности. Среди них Боспорское царство – осколок Древней Греции на юге России – привлекает исследователей изобилием и разнообразием предметов материальной культуры, любовью к роскоши и искусствам, запечатленным в камне, керамике, металле – многочисленных археологических находках. Два небольших раскопа древних греческих городов-колоний (Гермонасса в Тамани и Горгиппия в Анапе) включены в экспозиции филиалов Краснодарского музея-заповедника. «Но здесь же нет ландшафта» – говорят археологи. Однако, позвольте не согласиться. Разве ландшафт только то, что открыто взору? Например, природный ландшафт всегда имеет литологическую основу, но её далеко не всегда можно наблюдать, мы видим только почвенный покров. Что же касается древних Горгиппии и Гермонассы – взору открыта только часть погребённого под современной застройкой палеокультурного городского ландшафта. Эти раскопы, законсервированные и оформленные соответствующим образом, имеют статус памятников. А вот на прилегающих к ним территориях размещаются кварталы того же древнего города со своими материальными

памятниками, скрытыми под землёй. Здесь ведется самое интенсивное строительство, особенно в Анапе. Конечно, на месте котлованов сначала работают археологи, ценные артефакты извлекаются, всё фиксируется и... отправляется под бульдозер. Уничтожаются уникальные для России объекты – городские кварталы, городской ландшафт древнегреческой цивилизации. Понятно, что строительный бум и распродажу городских земель в Анапе остановить невозможно, учитывая сложившуюся ситуацию в России. Однако было бы дальновиднее, используя концентрацию финансовых потоков в Анапе, вложить деньги в создание и консервацию целой системы археологических раскопов древней Горгиипии, чтобы и жители, и посетители ощущали, где они находятся, чтобы эти раскопы стали не только туристским продуктом, но семантическими знаками города, свидетельствующими о его исторических корнях, чтобы древняя Горгиипия «проросла» сквозь современную Анапу, а не была закатана в бетон. Сколько ни выставляй битые черепки и могильные плиты в музеях – это не очень сильно впечатляет и совершенно не способно отразить своеобразие исторической среды города. Даже жители Анапы зачастую не знают, где у них находится единственный музей. А ведь уникальная историческая реликвия буквально под ногами. Один единственный раскоп не может вызвать в мироощущении целую ландшафтную среду, а вот серия таких раскопов – сможет. Городская среда должна быть наполнена связующими с историческим прошлым ассоциациями. Город бездумно лишается своей историко-культурной исключительности и ценности.

В Тамани ситуация несколько иная. Новое строительство не столь интенсивно, хотя создаёт проблемы и угрожает селитебному ландшафту некогда крупной казачьей станицы. Традиционная планировка и рядовая застройка станиц не представляют особой архитектурной ценности, но формируют совершенно особую градостроительную среду, со своим особым характером, цветом, настроением, композицией и ритмом, что является несомненной историко-культурной ценностью. Анапа в этом смысле совершенно утратила своё лицо - Тамань пока ещё сохранила. И здесь, в обрыве морского берега, где интенсивно протекают абразионные процессы, вскрываются культурные слои древней Гермонассы. На обрыве расположены несколько разноуровневых археологических раскопов, древний город имеет многометровый культурный слой, и археологи, начиная сверху, постепенно углубляются. Естественные природные процессы ставят под угрозу существование в перспективе этого участка, поэтому столь масштабные раскопки здесь вполне оправданы. В результате формируется целый археологический ландшафт (ландшафт, предназначенный для раскопок и исследования), причём его регрессивное

развитие и изменение происходит благодаря археологической деятельности и абразии – что само по себе весьма интересно (археология как фактор ландшафтообразования). Мы привыкли думать, что памятник археологии – это застывшее прошлое, но в данном случае можно наблюдать (в раскопах как экспозиции под открытым небом!) уникальное явление – процесс, где время отступает назад по мере снятия очередного участка культурного слоя и фиксации предшествующего облика городского палеоландшафта. В его регрессивной динамике может состоять одна из предметных ценностей, на что до последнего времени не обращали внимания. Отсюда интересное следствие – технологии раскопок и сам исследователь как субъект археологической деятельности в некоторых ситуациях могут рассматриваться как неотъемлемая часть археологического (в данном случае) ландшафта.

Природное своеобразие и исключительность Таманского полуострова – в его грязевых вулканах, образовавших одиночные сопки или целые гряды и определивших характерность таманского ландшафта. Выбрасываемая из жерла такого вулкана грязь образует с поверхности пласт голубой глины – ценного лекарственного сырья и популярного косметического средства. На склонах таких гор-вулканов в древности размещались святилища, здесь устраивались склепы, к таким местоположениям тяготеют курганные группы. Часть грязевых вулканов поддерживают свою активность, другие перестали действовать. Энергетика природных процессов определяла особенности сотворчества человека с окружающим миром, в процессе которого созидался культурный ландшафт. Формировались крупные культурно-ландшафтные комплексы, ключевыми составляющими которых были городское поселение (акрополь), взаимосвязанная с ним селитебная система, некрополь, святилища, земледельческие угодья и пастбища (хора), связующая сеть дорог. Такова и древняя Гермонасса – святилище этого города находилось рядом, на горе Лысой, где при раскопках был обнаружен склеп с саркофагом, извлеченным и выставленным впоследствии в экспозиции Исторического музея в Москве. В результате палеокультурный ландшафт Гермонассы утратил свою семантически важную деталь.

Несколько восточнее Гермонассы располагалась Фанагория, теперь это место называется Фанагорийскими холмами. Место бывшего боспорского города теперь занимают пастбища с участками степной растительности на крутосклонах. Рядом расположен современный пос. Сенной. Город размещался на двух морских террасах, расчленяемых эрозионными врезами балок. К нему примыкал некрополь. Позади города, к югу от него, возвышается гора Майская (грязевой вулкан), где были обнаружены следы древнего храма, посвященного Афродите Урании. На эту гору ориентируется гряда более

низких всхолмлений, вытянутая в широтном направлении на несколько километров. Здесь древнее население полуострова устраивало курганные захоронения и местность получила название Аллеи курганов. Многие древние поселенческие комплексы простираются вдоль причудливых изгибов береговой линии полуострова, но Фанагорийский поражает своими масштабами и формами, относительно него у археологов не возникает сомнений в его отнесении к древнему культурному ландшафту. Поскольку эта местность не используется под застройку и не занята прямоугольниками пашен и виноградников, то хорошо прослеживается природная целостность этого ландшафта несмотря на железнодорожную насыпь и автотрассу, отделяющие древний город от его святилища. Раскопки здесь ведутся давно, но без музеефикации раскопок. Они отчасти изменили морфоскульптуру ландшафта, но не настолько значимо, чтобы он утратил свою аутентичность и целостность. Так, на месте нескольких небольших курганов на южной окраине Фанагории теперь размещаются отвалы, полученные в результате раскопок курганов, но несведущие путешественники принимают их за курганы. Вероятно, пустынный характер этой местности, где пасутся только редкие стада и ничто постороннее не отвлекает глаз и мыслей, позволяет поддерживать ассоциативные связи с прошлыми тысячелетиями лучше любой музейной коллекции археологических экспонатов.

В связи с фанагорийским палеокультурным ландшафтом отметим выделяющиеся на общем фоне археологических работ оригинальные исследования Г.П.Гарбузова (2007). Этот исследователь целенаправленно изучил «античный культурный ландшафт Таманского полуострова», другими словами – палеокультурный ландшафт. В его работах значительная роль отводится геоинформационным технологиям, но не этим они замечательны в рассматриваемом здесь аспекте. Объектом исследования является не памятник, и не совокупность таковых, а античный ландшафт как археологический объект, компоненты которого находятся в определённой взаимосвязи, определяющей территориальную целостность системы различного ранга поселений, связующих их древних дорог, древних межевых систем землеустройства, культовых объектов, инженерно-технических сооружений и пр. Исследователь детально рассматривает структуру древнего ландшафта, его ключевые элементы, зависимость межевых систем от характера почв и рельефа и т.д. Такой выбор объекта – принципиальная позиция. Исследователь называет античный культурный ландшафт Тамани – «единственным в своём роде в Российской Федерации по масштабу, целостности и насыщенности археологическими памятниками».

В государственных органах охраны культурного наследия Краснодарского края обсуждается вопрос о создании на Таманском полуострове историко-культурного заповедника либо национального парка. Действительно, для сохранения целостных территориальных комплексов (культурных ландшафтов) это наиболее эффективный путь управления такого рода наследием. Но ни национальный парк, ни музей-заповедник, ни историко-культурный заповедник, ни какая иная организационно-правовая форма охраны наследия не будет действовать без четкого представления о предмете охраны культурно-ландшафтного комплекса, а также составе функций, регламентах использования и основных формах развития каждого земельного участка в границах охраняемой территории. Подтверждение тому – филиал Краснодарского музея-заповедника в Тамани и археологический музей-заповедник в Анапе. Эти, должно быть, прекрасные музейные коллекции и интереснейшие раскопы не могут репрезентативно представить древний ландшафт и не нацелены на эту презентацию, обладая лишь узко локализованными фрагментами древней системы расселения.

Как должны жить и развиваться палеокультурные ландшафты? До какого предела необходима и достаточна их консервация либо реставрация? Национальные парки и музеи-заповедники предполагают развитие соответствующей инфраструктуры для приёма посетителей и эта инфраструктура должна быть включена в ландшафт таким образом, чтобы не исказить его исторически сложившийся облик. Непродуманная историческая реконструкция может исказить образ ландшафта так же, как и современная застройка. И не каждый ценный элемент такого ландшафта должен быть полностью исследован раскопками, что-то надо «оставлять» и ландшафту.

«Ст рана Аркаим». Наиболее ярким примером ландшафтного подхода к осмыслению археологического наследия является природно-культурный территориальный комплекс «Аркаим», представляющий собой кластерную систему лесостепных пространств Зауральского пенеппена с локализацией древних поселений, сопутствующих сакральных центров, погребальных комплексов, инженерных конструкций, сырьевой базы, пастбищных угодий. Укрепленное поселение эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) было обнаружено в 1987 г. на юге Челябинской области, у пос. Александровка, при строительстве водохранилища в долине р. Большой Караганки. Находка оказалась эпохальной в археологической науке, а полноценное обследование памятника дало ключ к обнаружению целой системы аналогичных поселений в степях Зауральского пенеппена на достаточно локализованном пространстве Урало-Тобольского водораздела (200 x 300 км).

К настоящему времени методами ландшафтного дешифрирования аэрофотоснимков и археологическими раскопками обнаружено около 20 укрепленных поселений, расстояние между которыми находится в пределах одного дневного конного перехода, составляя в среднем 25 км. Конструктивные особенности поселений, уровень их организации и неординарность сопутствующей инфраструктуры позволили исследователям предположить существование здесь в прошлом особой протогородской цивилизации (Зданович, 2004). Аналогия с городскими системами возникает потому, что планировочное устройство и инфраструктура поселений имели очень высокий уровень организации, создавались по единому плану и имели централизованные инженерные сети, а это характерно для городов. В то же время их скромные параметры (в пределах первых сотен метров) не позволяют считать их однозначно городскими, тем более что в этот период города только начинают возникать. Ландшафтный принцип изучения уникального археологического наследия был изначально положен в основу исследовательских разработок, поскольку учитывались природные особенности размещения исследуемых объектов и их функциональные и семантические взаимосвязи (Зданович, Батанина, 2007, Аркаим ..., 2004). Публикация Г.Б. Здановича «Ландшафтная археология» (2004) стала, по нашему мнению, значимой вехой в развитии методологии археологических исследований в данном регионе. Автор не использовал понятия «археологический ландшафт» или «палеокультурный ландшафт», но по содержанию своему эта работа является моделью описания именно палеокультурных ландшафтов. В ней представлен целостный территориальный комплекс, сформировавшийся вокруг одного из поселений, получившего наименование Аркаим, ландшафтообразующими компонентами которого являются укрепленное центральное четко структурированное поселение и неукрепленные периферийные поселения, а также могильники, сакральные зоны, ирригационные системы, древние рудники и места обработки руды, земледельческие, пастбищные и промысловые угодья, формы рельефа и типы биогеоценотического покрова. Компоненты палеокультурного ландшафта находятся в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности, образуя системное целое. Проведенное нами в 2005 г. рекогносцировочное обследование выявленных археологических комплексов подтверждает, что данный феномен следует отнести к палеокультурному ландшафту, причем устойчивое закономерное повторение основных ландшафтообразующих элементов позволяет обозначить тип данного ландшафта по наименованию археологической культуры – синташтинский (аркаимский) палеокультурный ландшафт.

Его обязательные структурные элементы в перспективе, при организации охраны, могут быть зафиксированы как предмет охраны. Они включают:

- места укрепленных поселений с археологическими находками и конструктивными фрагментами поселений;
- места «пригородных» неукрепленных поселений с археологическими находками;
- остатки и следы гидротехнических сооружений в виде обваловок, каналов, плотин, прудов, спрямленных русел и пр.;
- места горнорудных азурит-малахитовых проявлений меди и иных минералов со следами древних разработок;
- сакральные комплексы – святилища на вершинах холмов, могильники, курганы и курганные группы, менгиры и их группы;
- прилегающие фрагменты лесов и лесные колки – свидетельства характерного для периода бронзового века природно-зонального распространения лесостепи, содержащей необходимые для выплавки металла ресурсы древесины и служащей основной ареной жизнедеятельности древних цивилизаций;
- меандрирующие речные долины, образующие удобные для размещения древних поселений и хорошо защищенные полуостровные участки террасовых поверхностей;
- чашевидные обширные придолинные котловины в местах пересечения современных речных долин с палеодолинами, обрамленные по периферии невысокими холмами, занятые луговыми, степными и полевыми угодьями, служившими основой древнего скотоводства и определившие облик ландшафта на многие века;
- сохранившиеся фрагменты разнотравно-ковыльных и типчаково-ковыльных степей.

Природно-культурные комплексы эпохи бронзы служат ключевым, но не единственным достоинством территории Аркаимского археологического кластерного комплекса. Наряду с основными, ритмически повторяющимися в разнообразных формах элементами культурных ландшафтов, каждый кластер выделяется своими индивидуальными чертами и структурными элементами, ценными в культурно-историческом, экологическом или научном отношении. Здесь обнаружено множество археологических памятников, принадлежащих иным археологическим культурам, а также памятники этнографии и истории освоения этих мест. Лесостепь всегда служила порубежьем – как в природном, так и историко-культурном аспектах. Через неё проходили миграции племён и народов и каждый оставлял свой след и вносил новые черты в облик ландшафта. Это стоянки древнего человека каменного века, следы древних поселений железного века и средневековья, курганные и иные захоронения, ритуальные

выкладки камней и пр. К числу таких объектов относятся и яркие образцы культуры разных этнических групп, в частности тюркской и славянской. Эта культура проявляется в планировке и застройке поселений, используемых строительных материалах, архитектурном облике и художественном декоре построек, образе жизни, хозяйстве, обычаях и традициях, фольклоре и топонимике. Примером тому могут служить сохранившиеся казачьи станицы, население которых приносило новые культурные навыки и способствовало культурному обмену между различными этническими группами, сохраняя свою особость как сословия, стоявшего на защите государственных рубежей. В XIX веке в эти места пришла «золотая лихорадка» и оставила свои следы в ландшафте в виде горных выработок. Историю развития ландшафта дополняют следы недавнего прошлого – гидротехнические конструкции несостоявшихся проектов, законсервированные карьеры горных выработок, системы полезащитных лесных полос. Культурный ландшафт продолжает своё эволюционное развитие – в этом принципиальное отличие данного типа наследия от объектов археологического наследия, которое служит существенным, но не единственно значимым элементом ландшафта. Тем не менее свои уникальные культурные особенности, послужившие основанием для выделения целостной кластерной системы, данный культурный ландшафт приобрёл во II тыс. до н. э.

Наряду с культурной характерностью, своеобразие отдельных кластеров определяется природными особенностями – наличием палеовулканов и палеодолин, реликтовых сосновых боров, ковыльных степей (которые можно рассматривать как антропогенный реликт), местообитаний редких видов биоты. Разрушение древней горной страны привело к образованию мощной коры выветривания – так называемому уральскому пенеплену со своеобразным холмистым рельефом, широкими ландшафтными перспективами и исключительным минералогическим богатством и разнообразием ресурсов недр, практически оказавшихся на поверхности. Доступность и лёгкость обработки содержащих медь минералов предопределили развитие уникальной поселенческой протогородской цивилизации. Зонально территория расположена в пограничье евразийской степи и лесостепи, то есть в условиях естественного экотона, что предопределяет её высокое эдафическое, ценотическое и биотическое богатство и разнообразие. Лесные (преимущественно берёзовые и осиновые с лиственницей, а также реликтовые сосновые, включая такой характерный ценотип, как берёзовые колки), степные (преимущественно разнотравно-ковыльные и типчаково-ковыльные) и лесостепные (с зарослями дикой вишни, миндаля и чилиги) сообщества сохранились на ограниченных площадях и их ценность в значительной мере определяется тем, что они

свидетельствуют об исторической природной среде, окружавшей человека с глубокой древности. Среди всех кластеров по своей природной ценности особо выделяется Аркаимская долина – в 90-х годах здесь был создан филиал Ильменского государственного заповедника.

Кроме того, особым достоинством ландшафта становится его научно-исследовательский профиль и функция – этот культурный ландшафт можно назвать не только палеокультурным, но именно археологическим. Наряду с обширными исследованиями аутентичных памятников силами специализированного природно-ландшафтного и археологического центра «Аркаим», здесь формируется обширная зона археологических реконструкций, включающая курганный комплекс, могильники, поселение каменного века, казачий хутор. Часть из них воспроизведены на новом месте на основе аутентичного материала, то есть перемещённых памятников, которые оказались в местах их обнаружения под угрозой уничтожения. Другая часть – это модели, созданные на основе проведённых исследований. Тем не менее все они начинают влиять на развитие ландшафта и в перспективе могут определить его функции и назначение. Встаёт вопрос и о реставрации биоценотического покрова ландшафта, уничтоженного при распашке целинных степей, а при установлении заповедного режима формирующего различные ряды сукцессий. В отношении перемещённых памятников отметим, что как бы точно ни были они воспроизведены на новом месте - это всего лишь внешние формы некоторой исчезнувшей культурной практики. Они полностью утрачивают свою изначальную семантику и функцию и приобретают иную ценность – научную и музейно-экспозиционную, как экспонаты типичного музея-скансена. Таким образом, культурный ландшафт Аркаимской кластерной системы представляет ценность наследия как палеокультурный ландшафт и как археологический ландшафт, поскольку археология становится ландшафтообразующим фактором и способом освоения информационного потенциала палеокультурного ландшафта.

Уникальная система расселения эпохи бронзы с уникальной сохранностью основных культурно-ландшафтных составляющих по существу является своеобразным археологическим эндемиком южноуральских степей и место её локализации можно рассматривать как своеобразную культурно-ландшафтную провинцию. Это огромный информационный ресурс, который может и должен повлиять на перспективы развития данного региона, придать ему особую специализацию. Если место поселения было выбрано удачно в ресурсном, планировочном, стратегическом, экологическом планах, то оно будет исторически преемственно, его будут осваивать различные культурные

общности, сообщая ландшафту новые культурные особенности. Между системой расселения бронзового века и современной, сформированной на основе созданных в XVII-XIX вв. казачьих линейных станиц, существует несомненная взаимосвязь, что представляет дополнительный интерес, тем более, что многие из этих поселений сохранили свои традиционные этнокультурные черты. Историческая целостность выявленных ландшафтных комплексов определяется полнотой представленности в них всей системы жизнеобеспечения древнего человека и преемственностью форм этого жизнеобеспечения в современных поселениях. Экологическая целостность определяется соответствием границам определённых природных рубежей и локальных бассейнов природных эрозионных систем. Системная целостность определяется наличием значимых исторических, экологических, планировочных, административных, географических и функциональных взаимосвязей элементов системы и позволяет признать целесообразность создания единого кластерного историко-культурного заповедника в организационно-правовой форме музея-заповедника либо национального парка. Хозяйственные и социальные отрасли региона могут получить новый импульс развития, способствуя выполнению задач такой структуры. Её общая площадь по приблизительным подсчетам может составить 35 тыс. га (что соизмеримо с размерами небольшого национального парка или заповедника) и охватить 6 административных районов юга Челябинской области. Среди существующих кластерных охраняемых территорий историко-культурного профиля подобной по масштабу в России нет, её создание может стать большим событием в практике территориальной охраны наследия.

Многоплановость исторической и экологической тематики, связанной с рассматриваемой территорией, а также развитие организационно-правовых форм управления наследием при наличии филиала государственного Ильменского заповедника и перспективы создания музея-заповедника «Страна Аркаим» открывает возможность создания биосферного резервата, в ряду основных целей которого стоит, как известно, гармоничное развитие человека и природы. Музей-заповедник может стать базой для разработки ряда международных инициатив по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», в частности, по изучению путей сбалансированного социально-экономического, социально-экологического и социокультурного развития современных поселений с учетом предшествующего исторического опыта. Современная сеть особо охраняемых природных территорий южного сектора области (включая филиал заповедника «Ильменский», природные заказники и памятники природы) должна быть дополнена сетью находящихся под государственной охраной ценных историко-

культурных территорий и представить в совокупности репрезентативную систему феноменов наследия, или природно-культурный каркас региона. Палеокультурный ландшафт, существование которого до недавнего времени было сомнительным и представляло фрагментарный интерес только для узкой группы специалистов, может получить новую жизнь и быть востребован как объект наследия мирового уровня. Тогда его научные, просветительские, охранные, туристские функции станут источником полноценного развития региона.

Палеокультурные дьяковские и древнерусские ландшафты Москвы и её окрестностей.

Методически важным и интересным по результату примером исследования палеокультурных ландшафтов следует назвать коллективную работу московских археологов и географов, посвященную культуре древней Москвы и её окрестностей, где определённое внимание уделяется историческим ландшафтам (Культура средневековой Москвы..., 2004). Авторы не используют терминов «археологический ландшафт» или «палеокультурный ландшафт» и очень ограниченно используют понятие «культурный ландшафт». Исторический ландшафт рассматривается как арена древнего природопользования и землепользования, изучение которого базируется на археологических, палеоландшафтных, палинологических, палеоботанических и палеопочвенных методах исследования. Авторы придерживаются классической ландшафтной парадигмы, соответственно исторический ландшафт понимается как природный территориальный комплекс, изменённый в результате разнообразной деятельности человека в прошлом. Такое понимание ландшафта методологически отличается от понятия культурного ландшафта, обозначенного в начале этой публикации (Культурный ландшафт..., 2004). Тем не менее некоторые археологические интерпретации выявленных ландшафтно-географических особенностей позволяют утверждать, что авторы вольно или невольно на частных примерах подошли к идентификации именно палеокультурного ландшафта. Это особенно хорошо прослеживается в исследованиях Н.А.Кренке (2004), посвященных дьяковской (VIII в. до н.э. – VII в.н.э.) и древнерусской (X-XIII вв.) культурам. Автор рисует картину древнего природопользования и землепользования таким образом, что структура предложенных им описаний вкладывается в понятийные рамки именно палеокультурного ландшафта. В этом ландшафте есть система древних поселений – городищ (в окружении рвов и валов) и селищ, древние пашни, могильники, луговые и пастбищные угодья, места рыболовства и

пути сообщения. Их планировка и пространственное размещение подчиняются определённым ландшафтными закономерностям, они образуют системы взаимодействующих компонентов и зоны влияния, формируя ткань культурного ландшафта. Стратегия расселения и природопользования определённым образом различаются у дьяковцев и древних славян, что определяет и культурно-ландшафтные различия. Если расселение и природопользование дьяковцев сосредоточиваются в непосредственной близости крупных рек, то в древнерусское время происходит более обширное освоение долин с выходом на водоразделы, освоение верховий речных долин и малых водотоков, что связано с особенностями хозяйственного уклада, соотношением пашенного земледелия и других видов пользования, экологической ёмкостью ландшафта. Городища и селища дьяковского времени сосредоточены на возвышенных местоположениях приречной зоны (речные террасы, бровки коренных склонов, приустьевые склоны оврагов и ручьёв – мысы). Селища функционально взаимосвязаны с городищем, зона влияния которого составляет около 1 км. В ближайшей округе поселений сводится лес и угодья осваиваются под скотоводство и пашенное земледелие. Один из разделов исследования Н.А. Кренке озаглавлен «Ландшафт долины Москвы-реки 2000 лет назад, глядя с Дьякова городища» - содержательно этот художественный образ близок стандарту описания палеокультурного ландшафта.

В палеоландшафтах древнерусского времени появляется характерный, типологически повторяющийся элемент – курганные могильники. Поселения тяготеют к долине Москвы-реки и «нанизаны» на её правые мелкие притоки. От долины к водоразделу типологически повторяется ряд: поселение – пашня – курганное поле. Под курганами нередко обнаруживается погребённый пахотный слой, свидетельствующий о древней динамике палеоландшафта и фиксирующий границу земледельческого воздействия. Земледелие как тип хозяйственного освоения получает приоритет и происходит значительное расширение открытых пространств. Ширина интенсивного освоения долин составляет 500-600 м, поселения расположены у бровки берегового склона, каждому поселению соответствует курганный могильник, который может размещаться на расстоянии до 1 км от реки.

В исследованиях В.А. Низовцева (2004) представлены карты условно-восстановленных (коренных) природных ландшафтов на уровне ландшафтных местностей и урочищ на территорию современной Москвы, её исторического центра и окраин. Даются их интерпретация по типам использования – карты реконструкции природопользования, на основе археологических и палеоландшафтных исследований. Они имеют главным

образом унаследованные, но также и свои вновь образованные границы. Автор придерживается концепции природно-хозяйственных систем, где исторический ландшафт представляет собой природный ландшафт, изменённый хозяйственной деятельностью. Мы полагаем, что объединение ведущих признаков дифференциации территории при составлении карт реконструкции природопользования, природно-ландшафтных карт и археологических карт и предъявило бы тот палеокультурный ландшафт, методологический контекст которого здесь обсуждается.

Вопрос выявления и предъявления палеокультурных ландшафтов дьяковского и древнерусского времени далеко не празден – это условие их сохранения для будущих поколений, учитывая всё возрастающую угрозу их уничтожения в последние пятнадцать лет. Подобная угроза уже многие годы существует и не исчерпала себя на ценнейшем археологическом комплексе железного века, расположенном по правому берегу Москвы-реки, близ деревни Дунино, недалеко от Звенигорода.

Дунино и окрестности занимают ландшафты долины среднего течения Москвы-реки и прилегающих водораздельных водно-ледниковых равнин с останцами размывтой морены, образовавшими единичные холмы. Долинные ландшафты включают высокие террасы – долинные зандры, две низких террасы, широкую пойму (до 1 км) Террасовые поверхности имеют высокое эрозионное расчленение, здесь многочисленны овраги, балки, ручьи, лощины и ложбины. С особенностями геологического строения связаны оплывно-оползневые процессы и разгрузка грунтовых вод, отмеченная родниками и мочажинами в нижней части склонов. Относительная стабильность оползневых структур поддерживается благодаря существующему растительному покрову, в котором ведущая роль принадлежит хвойным лесам с участием широколиственных пород – липы, вяза, дуба. В более древние времена, синхронные основным археологическим памятникам, широколиственные леса играли более значимую роль в сложении основных растительных формаций. Согласно описанию В.А.Низовцева, проводившего здесь ландшафтные исследования и составившего карты условно восстановленных ландшафтов и природопользования, природное своеобразие местности определяет «чашеобразная долина высокого правого берега Москвы-реки, включающая оползневые останцы, чередующиеся с балками. Именно с этой долиной, укрытой от внешних воздействий крутыми склонами, связана большая часть археологических памятников раннего железного века, включая и Дунинское городище» (2001).

Общее субширотное простираение долины реки осложняется в данном районе сильным меандрированием русла, река буквально рассекает долину короткими

перпендикулярными общему направлению русла сегментами, прижимаясь попеременно к высоким долинным зандрам северного и южного берега, что придаёт особое очарование открывающимся на неё видам. Именно в местах изменения направления русла реки, на высоких, защищенных крутосклонами и глубокими эрозионными врезами берегах с хорошим ракурсом обзора на приречные дали нашли себе место группы древних поселений, где центральными были городища. Дунинский ландшафтно-археологический ансамбль занимает одно из таких мест. Его древнее угро-финское население занималось охотой, рыболовством, собирательством, скотоводством, начинало заниматься земледелием. Поселенческий комплекс располагался на склоне северной экспозиции. Оползневые структуры образовали многоступенчатый профиль склона, что при его общей крутизне позволяло селиться и обрабатывать землю на относительно выположенных и дренируемых участках и достигать высокой плотности заселения.

Исследования экспедиции Института Археологии РАН, проведённые под руководством д.и.н. С.З.Чернова (2007) на прилегающей к Дунинскому городищу и взаимосвязанным с ним селищам территории, убедительно доказали, что данная территория являлась ареной интенсивного природопользования людей железного века и должна рассматриваться как комплекс памятников (или единый комплексный памятник) археологии и ландшафтной археологии. Следы древнего природопользования фиксируются отдельными археологическими находками, наличием культурного слоя, наличием погребённых почв со следами их земледельческой обработки, палинологическими свидетельствами.

Выявленный ландшафтно-археологический ансамбль (комплекс) дьяковского времени является уникальным по полноте представленности и сохранности. Научная ценность археологических находок делает его ландшафтным раритетом. Здесь зафиксированы два городища и пять селищ, формирующие культурные ядра ландшафта. Ценность центрального памятника культурного ландшафта – Дунинского городища, а также Четвертого Дунинского селища (возможно городища) заключается в сохранности фортификационных сооружений железного века – рвов и валов. Ни один из известных аналогов не имеет такого количества и плотности поселений при археологически подтверждённой системе объединяющего их древнего природопользования. Кроме поселений людей железного века и их хозяйственных угодий на территории зафиксированы три селища средневекового периода. В результате работ 1996-1997, 2005 гг. было установлено, что Дунинский археологический комплекс по числу памятников археологии и по площади плотно заселенной территории не только выделяется среди

других археологических комплексов раннего железного века Подмосковья, но превышает по ряду показателей такой крупнейший археологический комплекс, как Дьяковский, давший название дьяковской культуре (Кренке, 2005).

Планировочная структура места древнего расселения включает:

- площадки центральных укрепленных поселений, включая многоярусные конструкции,
- рукотворные и естественные формы рельефа, образующие систему защиты поселений,
- площадки «дочерних» неукрепленных поселений,
- коммуникационные коридоры – связующая система троп и дорог в составе палеокультурного ландшафта,
- прилегающие земледельческие угодья на выпуклых и пологих склоновых поверхностях зандров и оползневых террас,
- прилегающие луговые угодья выположенных балок и приречных пространств,
- прилегающие лесохозяйственные угодья крутосклонов и оползневых склонов,
- прилегающие рыбопромысловые и охотничьи угодья реки и её поймы.

Более позднее славянское население уже не использовало данный участок долины – появились другие приоритеты и другие требования к выбору мест для поселений. Поселения стали размещаться на более выположенных и инсолируемых местах, в окружении освобожденных от леса полей, тем не менее, требования к защитным свойствам местоположения сохранялись – нужны были крутые берега, обозреваемость реки с береговых уступов, ограждающие поселения балки и овраги. Так возникли Дунинские селища древнерусского периода XII-XIII вв., Поречьевская и Мозжинская группы поселений. Древнерусские памятники представлены селищами в комплексе с курганными могильниками. Из них Поречьевский археологический комплекс является уникальным памятником славянской древности не только Звенигородья, но и всего Московского края. Это единственный памятник, где может быть прослежена непрерывная линия развития от роменской эпохи (X-XI вв.) до классического «курганного периода» (XII – первая треть XIII вв.) и где культурный слой X-XI вв. перекрыт курганными насыпями XII в. В составе комплекса первая Поречьевская курганная группа известна отечественной науке с 1838 г. (Чернов, 2007). К сожалению, нерегулируемая коттеджная застройка, приватизация земель и несоблюдение законодательства об охране культурного наследия привели к фактическому уничтожению ряда памятников и полностью – палеокультурных ландшафтов древнерусского времени.

Благодаря особенностям геосистемного строения и планировочного развития культурный ландшафт, возникший в железном веке, эволюционировал в лесные уголья крутосклонов речной долины в составе сельского крестьянского ландшафта, оформившегося в средние века, а затем, в новое время, в составе усадебно-крестьянского и дачного. Тем не менее ландшафт всегда хранил свидетельства древних археологических культур.

Наибольшую известность эти места получили благодаря творчеству М.М.Пришвина, приобретшего усадьбу в Дунино и проведшего здесь последние счастливые годы своей творческой жизни вместе со своей супругой, В.Д. Пришвиной, создавшей в усадьбе после смерти мужа мемориальный музей.

До середины XX века развитие ландшафта определяется рамками исторической преемственности, его ритмика и пропорции сохраняются, его топологическая организация эволюционирует в рамках допустимых структурных дополнений, отдельные нарушения носят локальный характер. Значимым фактором нарушения исторического культурного ландшафта стала неуправляемая, стихийная застройка долины Москвы-реки коттеджами и псевдодворцами новых обладателей капиталов. В результате старая застройка Дунино с пришвинской усадьбой и прилегающим археологическим комплексом дьяковской культуры оказались в плотном архитектурно агрессивном окружении с перекрывшими пространство глухими бетонными и кирпичными ограждениями, приватизированными дорогами, охранниками и отсутствием сквозных пешеходных проходов к соседним деревням, полям и лесам. Абсолютно нерегулируемая коттеджная застройка с диссонирующими архитектурными и планировочными решениями принципиально изменили природные свойства местности. Сплошная застройка рассекла лесной массив вдоль верхней дунинской дороги и «прорвалась» к реке. Дунино с окрестностями превратилось в изолят, в культурный реликт, площадь которого достигла критически низкого уровня. Дальнейшие её сокращения приведут к фактическому уничтожению этого уникального культурного феномена. Поречьевский археологический комплекс древнеславянской культуры уже уничтожен как системное целое.

К сожалению, система градостроительного регулирования находится в настоящее время в таком состоянии, что происходит интенсивная застройка рекреационно привлекательных земель Подмосковья вне всякого регулирования. Окрестности Дунино очевидно привлекательны для финансовых вложений и законы рынка привели к столкновению интересов частных (застройка коттеджами) и общественных (сохранение наследия). Ландшафты Подмосковья и, в частности, Звенигородья, ускоренно

трансформируются в обыденную и широко распространившуюся коттеджно-фортификационную модель, утрачивая очарование дачной сельской местности.

Исключительная ценность археологических находок, относящихся к палеокультурному ландшафту, и особое мемориальное значение данной местности определяют необходимость разработки особой политики развития данной территории, когда основные историко-культурные ценности должны быть сохранены и должны стать определяющими в стратегическом развитии её территории.

Отдельные памятники археологии Дунинского палеоландшафта стоят на государственной охране начиная с 90-х годов. В 2006 г. подготовлена и передана в госорганы охраны памятников РФ учетная документация (паспорта) для постановки на государственную охрану целостного ландшафтно-археологического ансамбля «Дунинская долина дьяковцев», куда вошли все существующие и вновь выявленные памятники археологии дьяковского времени, а также сопредельные хозяйственные угодья со следами сопутствующей поселениям хозяйственной деятельности. В том же 2006 г. Институтом Наследия разработана Концепция формирования ландшафтно-археологического и историко-мемориального заповедника «Дунино». Однако данные документы не остановили активность финансовых дельцов по подготовке этой территории к коттеджной застройке.

Важным аспектом проблемы охраны памятников археологии является профессиональная ограниченность трактовки этого понятия, из которого как правило изымается ландшафтная среда, которая по существу является неотъемлемой составляющей археологического феномена наследия, что подтверждается в результате собственно археологических и географических методов исследования. Предъявление Дунинского ландшафтно-археологического комплекса в качестве памятника ландшафтной археологии – пионерная акция, прецедент, который в перспективе должен стать нормой охраны археологического наследия России, уже принятой во многих странах мира.

Палеокультурные ландшафты Куликова поля и Соловецкого архипелага.

Можно продолжить ряд примеров, демонстрирующих ландшафтный подход к исследованию археологического наследия, однако основная мысль уже изложена: палеокультурные (археологические) ландшафты существуют и представляют самостоятельную ценность наследия, эти ландшафты должны быть сохраняемы теми методами, которые адекватны задачам сохранения ландшафтных феноменов наследия. В этой связи упомянем вкратце ещё два объекта ландшафтной археологии – Куликово поле и Соловки. Оба являются музеями-заповедниками и отнесены к особо ценным объектам

культурного наследия народов Российской Федерации. Кроме того, Соловецкий историко-культурный комплекс – объект Всемирного наследия. Куликово поле замечательно тем, что при сугубо археологической специализации созданного там музея-заповедника, крупных археологических памятников в общепринятом смысле слова там нет. Основной объект археологического исследования и сохранения – ландшафт, несущий в себе следы важнейшего исторического события – Куликовской битвы в междуречье Дона и Непрявды. Эти следы, помимо традиционных и немногочисленных ввиду давности события² археологических находок, представлены также природными объектами, топонимикой, историческими преданиями и святыми местами, священными символами – храмами и монументами. Всё это составляет ассоциативное содержание палеокультурного ландшафта. Природные компоненты такого ландшафта могут служить важнейшими историческими метками, свидетельствующими о его аутентичности. Это особенно хорошо видно на примере Куликова поля, где природные объекты и пейзажи составляют историческую предметную ценность, являются историческими свидетельствами (Гоняный, Александровский, Гласко, 2007). Однако за многие столетия изменился облик ландшафта – были сведены или сократились площади дубрав, распаханы ковыльные степи, утрачены природные черты, зафиксированные в преданиях и летописях (Бурова, 2007). Соответственно потребовалась реставрация основного объекта – ландшафта, программа чего и была разработана научным коллективом музея-заповедника в сотрудничестве с Институтом Наследия (Музей-заповедник «Куликово поле» ..., 2000). Основными объектами направленного воздействия стали растительные сообщества, поскольку именно они формируют характерную мозаику и облик данного места. На основании палеоботанических и археологических исследований выявлена ландшафтная структура территории на период сражения и начаты работы по восстановлению ковыльных степей и дубрав. Это уникальный для России эксперимент демонстрирует возможности управления палеокультурными ландшафтами как феноменами наследия. И не важно, что исследователи данного территориального феномена не используют в своих печатных трудах обсуждаемого здесь термина, по смыслу и содержанию объектом исследования у них выступает именно палеокультурный ландшафт.

Историко-культурный комплекс Соловецкого архипелага приобрел всемирную известность благодаря великолепию памятников монастырской культуры, освоившей к началу XX века весь архипелаг и поражающих своей монументальностью и

² Битва войск Дмитрия Донского с Мамаевой ордой произошла в 1380 году

адаптивностью к условиям суровой и прекрасной северной природы. Меньшую известность получили памятники археологии, во множестве и разнообразии представленные в приморской части архипелага и образующие целостные территориальные комплексы – палеокультурные ландшафты. Археологическая изученность этих памятников достаточно высокая, им посвящено много работ, главным образом, труды А.А.Курбатова и А.Я.Мартынова. В исследованиях А.Я.Мартынова четко прослеживается ландшафтная обусловленность размещения и компоновки памятников, их комплексный характер. Совершенно справедливо признавая, что интерпретация единичных археологических находок не может воссоздать полноценную картину далекого прошлого, А.Я. Мартынов рассматривает археологические комплексы памятников в их взаимосвязи. Археологические комплексы Соловецких островов включают временные поселения (постоянных поселений здесь не было) – стоянки и мастерские, и взаимосвязанные с ними святилища – лабиринты, каменные груды (курганы), разнообразные каменные выкладки и гряды, структурно связанные с лабиринтами и относящиеся к III-I тыс. до н.э. (эпоха камня – раннего металла). Острова имели сакральное назначение для жителей ближайших карельского и онежского берегов. Следующий этап освоения островов относится к XII-XV вв., когда древние саамы посещали острова и, как предшественники, использовали их в культовых и погребальных целях. Отмечаются зависимость планировки святилищ от рельефа местности и различия структуры святилищ на разных островах при соблюдении двух закономерностей – они всегда занимают возвышенное местоположение и всегда находятся при строительном материале – валунных насыпях морен и береговых валов. Основная масса лабиринтов и насыпей расположена на 8-14-метровых террасах, что соответствует и высотным отметкам стоянок. Могильники мыса Колгуй на о.Анзер соответствуют первой 4-метровой террасе, которая в XII-XV вв. должна была находиться на отметке 1.5-1.7 м. Собственное знакомство с археологическими памятниками Соловков позволяет утверждать, что это не просто археологические комплексы. Ритмическое повторение, соответствие определённым элементам рельефа, соположение объектов в территориальном комплексе позволяют говорить о наличии уникального палеокультурного ландшафта на архипелаге Белого моря, нигде более в северных широтах в таком качестве не представленного. Особенно отчетливо этот ландшафт выражен на Заяцких островах и острове Анзер. Лабиринт может быть едва различим на фоне псевдотундровых растительных сообществ, каменные груды-курганы «выросли» среди каменных россыпей морских террас, разнообразные по форме выкладки

разместились на каменистых пустошах глубоко вдающихся в море островных мысов – всё это напоминает своеобразную ландшафтную мимикрию и поражает своим масштабом, когда начинаешь видеть рукотворную природу объектов, столь деликатно включенных в ландшафт и придавших ему особое историко-культурное значение. Монастырская культура за пять веков своего существования не разрушила этот ландшафт – на границах древних святилищ были поставлены православные охранительные кресты. Насельники монастыря интуитивно понимали ландшафтную природу ограждаемого ими объекта. Современные стратеги это плохо понимают, из-за чего палеокультурные ландшафты оказываются под угрозой уничтожения даже при сохранении и презентации отдельных археологических памятников.

Правовое обеспечение охраны палеокультурных ландшафтов

Наиболее эффективными формами охраны территориальных феноменов наследия служат, как известно, особо охраняемые территории. Для природного наследия это аксиома, а как быть с культурным? Федеральное законодательство использует понятие «особо охраняемые природные территории», но понятия «особо охраняемые историко-культурные территории» в нём нет. В то же время в России широкое распространение получили музеи-заповедники – учреждения культуры, которые юридически не являются особо охраняемыми территориями, но фактически являются. Именно в музеях-заповедниках сохраняются наиболее ценные территориальные объекты культурного наследия, в частности археологического наследия. Археологические музеи-заповедники немногочисленны и некоторые уже были названы. Преимущественно они представляют территориальные комплексы древних поселений (Танаис, Горгиппия, Гермонасса, Ирландия). Есть среди них и одно древнее поле сражения – Куликово поле. Есть древние сакральные территории – Томская писаница, например. Однако сохранение территорий музеев-заповедников представляет сегодня огромную проблему, поскольку эта форма охраны наследия не названа в федеральном законодательстве. Данный правовой нонсенс имеет многочисленные последствия, включая градостроительные, земельные, гражданские и иные сферы законодательного регулирования. Чтобы обладать полноценным правом защиты собственной территории (не путать с земельным участком!), некоторые музеи-заповедники, преимущественно литературного профиля, начали работы по наделению своих территорий статусом достопримечательного места. Напомним, что достопримечательные места – один из видов объектов культурного наследия, которые подлежат охране в том же порядке, что памятники и ансамбли, но имеют более лабильный

режим охраны. Кардинальный вариант решения проблемы музеев-заповедников – это уравнивание их в правах с историко-культурными заповедниками. Так поступили в Московской области, где принят закон №18/13-П «О музеях Московской области», 2007. Напомним, что согласно №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» достопримечательные места могут быть объявлены историко-культурными заповедниками, что учреждаются историко-культурные заповедники не ведомствами, как объекты культурного наследия, а органами исполнительной власти, что земельные участки в их границах, согласно Земельному кодексу РФ, находятся в ограниченном гражданском обороте, то есть не подлежат приватизации.

Некоторый аспект экстравагантности в этом вопросе демонстрирует Челябинская область. Уникальные палеокультурные ландшафты «Страны Аркаим» получили статус системы достопримечательных мест, которые были объявлены историко-культурным заповедником с передачей ему прав юридического лица, но без организации музея-заповедника. В то время, как федеральное законодательство усугубляет ситуацию и своей казуистикой ставит препону делу охраны наследия, профессионалы на местах ищут способы более адекватного и простого решения проблемы. Есть примеры использования законодательства об особо охраняемых природных территориях для целей охраны объектов культурного наследия, в частности палеокультурных ландшафтов. Например, администрация музея-заповедника «Куликово поле» выступила инициатором создания природного заказника в границах территории музея-заповедника. Природоохранный режим заказника для данного музея-заповедника наиболее оптимален, учитывая, что аутентичную историческую среду должны воспроизводить природные объекты – широколиственные леса и ковыльные степи. Созданию историко-культурного заповедника Аркаим предшествовала разработка концепции национального парка. Вопрос о создании национальных парков обсуждался применительно к Фанагории и Соловкам. Отметим, что национальные парки – единственная категория охраняемых природных территорий, для которых законом устанавливаются задачи сохранения и восстановления историко-культурных комплексов и объектов (ст.13 №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»). В заповедниках, национальных парках, природных парках, заказниках, памятниках природы во многих случаях целенаправленно сохраняются либо попадают под охраняемый режим разнообразные культурные феномены.

Многочисленные исследования подтверждают, что охрана археологического наследия самым непосредственным образом взаимосвязана с сохранением

палеокультурных ландшафтов. Действующее законодательство предоставляет возможность постановки на охрану как отдельных археологических объектов, так и целостных ландшафтных комплексов. В то же время законодательство и сложившиеся в археологии на протяжении десятилетий исследовательские подходы заключают в себе целый ряд противоречий, препятствующих объективному, адекватному, целостному восприятию археологического наследия и его актуализации в современных условиях. Попробуем их выявить и систематизировать, обозначив рамки сложившегося методологического и правового конфликта. Особого внимания заслуживают следующие проблемы:

1. Введение ложных, амбивалентных этимологическому смыслу понятий в практике археологических исследований – таковы понятия «охранной археологии» и «охранных раскопок». Охранная археология – это исследование недвижимых археологических объектов, которые обречены на уничтожение, и извлечение из них артефактов. В Институте археологии данное направление деятельности относится к числу приоритетных, судя по его организационной и кадровой структуре, а также составу выполняемых работ. Охрана некоторого абстрактного объекта наследия может осуществляться двумя способами: либо предотвращение его разрушения и контроль сохранения *in situ*, либо то же самое *ex situ* после его изъятия из аутентичной среды и перемещения в иные условия. Понятно, что последнее можно осуществить только в отношении движимых объектов, в археологии – изымаемых при раскопках находок. Все недвижимые объекты – древние поселения, святилища, курганы, городища и т.д. и т.п. – могут быть охраняемы исключительно при условии снятия внешних угроз негативного воздействия, основная из которых на сегодняшний день – строительство. Этимология понятий вводит в заблуждение, поскольку вместо охраны объекта археологического наследия *in situ* предполагается извлечение его фрагментов, складирование их в отведённых для этого местах (если очень повезёт – в музейных экспозициях) и уничтожение самого объекта в процессе земляных и строительных работ, получающих «зелёный свет» после проведённых «охранных раскопок». Охранные раскопки обеспечивают законность уничтожения объекта археологического наследия. Собственно методологическое лицемерие заключается в том, что определение «охранный» применяется к действию, предваряющему или сопровождающему уничтожение недвижимого наследия вместо того, чтобы служить ему защитой. Возникает вопрос, что же является предметом охраны и носителем предметной ценности наследия: городище или собранные на нём черепки, святилище или обнаруженные при нём человеческие

останки, древний город или любая иная совокупность найденных при нём «следов существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение»? Неужели можно сомневаться, что произошла подмена понятий, что охранная археология имеет исключительное значение для археологической науки, но не имеет никакого отношения к охране недвижимого наследия? Причём того самого недвижимого наследия, которое имеет принципиальное ландшафтообразующее значение и которое массово уничтожается с сопровождающим его «исследованием под снос», именуемым охранной процедурой. Охранная археология уничтожает археологическое наследие как ландшафтный феномен и сохраняет в форме единиц хранения в фондах. По-видимому, моральную ответственность за такой терминологический обман должна нести собственно академическая археологическая наука, представители которой упорно этот обман поддерживают. Пора бы признать, что палеокультурные ландшафты могут представлять ценность наследия, а охранная археология как метод и как научный подход в её современной интерпретации направлена на разрушение этих самых ландшафтов. Это коллизия не правовая, но методологическая, которую может разрешить только профессиональное сообщество археологов. Надо называть вещи своими именами.

2. Отсутствие иерархии ценностей в системе объектов археологического наследия. Так, в соответствии с профильным законом о культурном наследии (№73-ФЗ), все объекты археологического наследия имеют федеральное значение и каждый из них должен быть поставлен на охрану уже при его зафиксированном специалистом обнаружении. Это есть пример правовой демагогии и он особенно вреден тем, что создаёт устойчивые иллюзии исключительной защищённости и культурной значимости именно археологического наследия, чего в действительности не наблюдается, поскольку противоречит существующему в природе и обществе порядку вещей. Археологическое наследие, как и любое другое, не может быть аксиологически гомогенным, оно разное по своему значению и это прекрасно известно археологам. Закон искусственно поднял планку его общей ценности, приравняв все возможные вариации к единственно федеральному значению, но в действительности планка ценности упала, поскольку исключительные феномены наследия уравнились в праве с обыденными. В непрофессиональной среде обывателей, предпринимателей и бюрократов это добавило причин к непониманию и непризнанию археологического наследия, а также массовому его уничтожению. Если власть поставлена перед дилеммой: градостроительное развитие либо сохранение археологического памятника – выбор как правило не в пользу последнего. Интересы создания портов, дворцов, коттеджей, терминалов и трубопроводов

побеждают. Причем эти интересы достигаются практически без ограничений. И здесь вопрос об иерархии ценностей становится очень важным. При отсутствии такой иерархии совокупность памятников археологии становится для любого чиновника безликим множеством, создающим препоны экономическому развитию, а значит формирует определённый стиль отношений с органами охраны памятников, когда ликвидация очередной препоны просто оплачивается в рамках узаконенной процедуры под названием «охранные раскопки» и «исследование памятника под снос». Кроме того, декларируемое законом отнесение любого зафиксированного археологического объекта к выявленному объекту наследия вне каких-либо оценочных процедур при одновременной возможности произвести его снос посредством охранных раскопок дискредитирует, на наш взгляд, правовое содержание норм закона. Профессионалы разводят руки и обреченно произносят сакраментальное «ну что же делать?». Ответим: называть вещи своими именами.

3. Профессиональная и легитимная некорректность типологии объектов культурного наследия, установленной профильным законом о наследии в отношении объектов археологического наследия. В частности, все объекты недвижимого культурного наследия подразделены на три вида: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Эта типология отражает структурную сложность объекта – от единичного памятника к территориальному комплексу. Каждый из этих видов определяется перечнем отнесённых к нему феноменов наследия. Объекты археологического наследия прямо отнесены только к двум видам культурного наследия - к памятникам и достопримечательным местам, а для промежуточного вида, для ансамблей, археологическое наследие не было прямо обозначено. Этот логический нонсенс, допущенный законодателем, имел и имеет очень негативные для археологического наследия последствия. Бюрократические институты отказываются признавать ансамблями «четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединённых памятников», а именно археологических памятников, однозначно подразумевая их отнесение к достопримечательным местам ввиду их структурной сложности. Статус достопримечательного места допускает значительно менее жесткий в сравнении с памятниками и ансамблями режим охраны, что для объектов археологического наследия и многих палеокультурных ландшафтов равносильно преднамеренно планируемой утрате целостности и предметной репрезентативности, предопределяемой возможностями модификации режимов охраны для удовлетворения конкурирующих градостроительных или хозяйственных интересов.

4. Неоправданное сужение трактовки понятия «объект археологического наследия» и неприятие в профессиональной среде понятия «объект ландшафтной археологии». К недвижимым объектам археологического наследия традиционно относят древние поселения, погребальные комплексы и культовые места – то есть те пространственные локусы, где археологические раскопки или исследования дают богатый для исследователя материал. В то же время в профильном законе о наследии (ст.3 №73-ФЗ) к объектам археологического наследия отнесены находящиеся «в земле или под водой следы существования человека», выявляемые в ходе археологических исследований, что допускает гораздо более широкую трактовку понятия. В интересующем нас широком аспекте археологическое наследие может трактоваться как система объектов материального мира, свидетельствующих о древних культурах и цивилизациях и возможно полно их представляющих. Там, где древние поселения образуют компактные группы или сопровождаются святилищами, некрополями, инженерными сооружениями, там и ткань ландшафта, связующая эти функционально и планировочно взаимосвязанные между собой археологические частности, является неотъемлемой составляющей целостного археологического памятника и должна относиться к территории памятника, имеющего ансамблевый характер. Вмещающий ландшафт тоже представляет древнюю культуру и свидетельствует о ней, поскольку выбор его как места действия осуществляется на основании устанавливаемых культурой постулатов. В любой его части возможно обнаружение «следов существования человека», например погребённых окультуренных почв. В целом ряде случаев территория древнего природопользования или сакрального пространства образует самостоятельно или с системой древних поселений единое целое, представляющее древнюю культуру в её взаимосвязи с окружающим миром – это будет палеокультурный ландшафт. Системное исследование палеокультурного ландшафта принадлежит ландшафтной археологии, объекты которой в России не имеют чести быть относимыми к культурному наследию ввиду казуистики закона и разрушительного консерватизма профессионального сообщества. В этой связи небезынтересен опыт Молдовы, где в рамках нормативно-правовой регламентации узаконено понятие «археологический ландшафт» и установлены меры его охраны. Для целей правового регулирования под ним понимают «земельный участок, на котором содержатся археологические остатки, представляющие человеческое жильё различных эволюционных этапов, с архитектурными, градостроительными, техническими структурами и устройством, а также другие следы человеческой цивилизации в природной среде на поверхности земли или под землей, выявленные археологическими методами,

документальной информацией или другими способами» (Постановление Правительства...).

5. Искусственное разведение, разделение объекта археологического наследия и занимаемого им земельного участка, которые согласно действующему законодательству находятся в раздельном гражданском обороте. В соответствии со ст. 49 профильного закона о наследии все объекты археологического наследия находятся в государственной собственности, однако земельный участок или участок водного объекта, в пределах которого располагается памятник археологии, находятся в гражданском обороте раздельно с памятником. Согласно ст.54 п.3 №73-ФЗ земельный участок в границах территории объекта культурного наследия является неотъемлемой частью объекта культурного наследия, за исключением объектов археологического наследия. Недвижимые памятники археологии, получив исключительное право быть государственными, утратили право на неразрывную связь с земельным участком, частью которого они по своей природе являются, что определяет возможность фактического присвоения недвижимых объектов археологического наследия любого уровня. Другими словами, земельный участок может принадлежать частному лицу, а курганный могильник, занимающий этот участок, или найденный при нём клад золота такому лицу юридически не принадлежат. Но, как можно догадаться, практически это трудно исполнимо. Это самообман общероссийского значения. Тем более, что всё современное российское законодательство выстроено таким образом, что объекты недвижимости следуют судьбе земельных участков, на которых они находятся. Ограничить в чём-либо собственника земельного участка в рамках существующего законодательства очень сложно, а контролировать его – практически невозможно, что и определяет фактическое уничтожение и присвоение тех недвижимых археологических памятников, которые оказались на частных землях. Действительно, абсурдно и просто невозможно вводить в раздельный оборот с землёй то, что формирует поверхность земельного участка. Единственным утешением в этой коллизии является норма Земельного кодекса, ограничивающая оборотоспособность земельных участков, занятых объектами археологического наследия (ст.27 п.5 №136-ФЗ).

6. Целевая многоликость официальных археологических раскопок, сочетающая научную необходимость, исследовательский интерес и способ заработка. Иногда два последних обстоятельства определяют основную мотивацию при отсутствии первого обстоятельства. Отметим, что раскопанный археологический памятник во многих случаях утрачивает свою аутентичность и ценность – его ценность трансформируется в

исследовательский результат и найденные артефакты, которые перемещаются из положения «in situ» в «ex situ», из аутентичного ландшафта в музейные коллекции (в лучшем случае). Как известно, территориальные ресурсы делятся на исчерпаемые и неисчерпаемые. Очевидно, информационный археологический ресурс ландшафта исчерпаем, как нефть. Наука получает новые сведения, представления и теории, а ландшафт утрачивает свидетельства своей истории – носителей археологической информации. Для археологов будущего наши современники оставят богатое наследие в письменных источниках и собранных предметах, но исказят информационный слой ландшафта, уничтожат важного носителя потенциальных научных открытий в археологии. Если археологические раскопки являются основным методом и объективно необходимы для развития археологической науки, но также объективно они создают угрозу целостности и сохранности палеокультурного ландшафта как объекта археологического наследия. Чтобы разрешить этот парадокс, надо признать наличие некоторого предела, ограничения археологическим изысканиям, что аналогично ограничениям добычи некоторых биологических видов. Ведь чтобы соотечественники имели представление о внешности амурского тигра, совсем необязательно презентовать его чучело в каждом зоологическом музее. Существуют другие способы исследования и презентации. Во многих регионах России археологическое сообщество осознаёт, что археологический памятник бесспорно подлежит раскопкам только в том случае, когда он неизбежно будет утрачен – то есть под влиянием необратимых природных процессов или в результате осуществления строительства, проведения земляных работ, направленного изменения гидрологического режима и пр. Конечно, категория «неизбежности утраты» – это тоже проблема, но уже другого порядка и связана она с действующим законодательством и реальной защитой памятников археологии.

7. Трудно контролируемая множественность археологических памятников, находящихся на учете в госорганах охраны памятников, их количественное преобладание над всеми иными типами объектов. При несдерживаемой стихии рынка земельных участков, а также отсутствии реальной ответственности за причиняемый ущерб национальному наследию происходит то, что присваиваемый статус археологического памятника не ведёт к существенным правовым последствиям ни для собственника, ни для пользователя, ни для уполномоченных государственных инстанций. Их поштучно много – за всеми не уследишь. Для соблюдения процедурных приличий объект отдаётся в объятия охранной археологии и лишается предметной ценности, прекращая быть территориальным феноменом археологического наследия. Например, в окрестностях

вышеупомянутой деревни Дунино Московской области некоторые археологические памятники, уже будучи выявленными, оказались на землях, распроданных муниципалитетом г. Звенигорода под частную застройку и практически уничтожены, либо находятся под угрозой уничтожения. Территория расчленена капитальными ограждениями частных землевладельцев и утратила визуальную целостность. Обременения на земельные участки не установлены, а охранные обязательства, как правило, не заключались. Паспорта на весь комплекс объектов дьяковской культуры были разработаны только в 2006 г. Находясь в границах частных владений, они фактически приватизируются и доступ к ним прекращается. Контроль за их состоянием и взыскание за наносимый ущерб зависят от субъективных предпосылок. Во всяком случае, ни о какой охране и сохранении археологических памятников в их взаимосвязи и комплексности, а также публичном их предъявлении не может быть и речи при условии приватизации земель, на которых они находятся. Выделение археологических ансамблей и палеокультурных ландшафтов как объектов археологического наследия и учетных единиц для постановки на охрану целостных археологических комплексов могло бы отчасти решить проблему множественности.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л., Гоняный М.И., Гласко М.П. Ландшафты Куликова поля времени битвы (по данным комплексных почвенно-археологических исследований) // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 2000. – С.33-46

Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. / Науч.ред. Г.Б.Зданович. - Челябинск, 2004. – 348 с.

Бурова О.В. Лесостепные ландшафты центра Русской равнины в последнее тысячелетие: антропогенные изменения и проблемы восстановления исторических территорий. / Автореферат канд. дис. на соиск. уч. степ. канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН, 2007.

Гарбузов Г.П. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях. Автореферат дис. на соис. уч. ст. канд.ист.наук. М.: Институт археологии, 2007. – 26 с.

Гарбузов Г.П. Реконструкция культурного ландшафта в археологических ГИС-проектах / Г.П. Гарбузов // Международные отношения в бассейне Черного моря в

древности и средние века. Резюме докладов XI Международной научной конференции. - Ростов-на-Дону, 2003. - С. 49-50.

Гарбузов Г.П. Древние винодельческие ландшафты у Фонталовской // Древности Боспора. М.: Институт археологии, 2004.

Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007. – 208 с.

Гусев С.В. Комплексный подход к сохранению и изучению археологического и природного наследия // Археологический фактор в планировочной организации территории. М.: Институт Наследия, 1997. - С.177-188

Замороженные захоронения Алтайских гор. Гент: ЮНЕСКО ЦВП и Гентский Университет, 2006. e-lib.gasu.ru/konf/FrozenTombs/R_13.html

Закон Московской области №18/13-П от 13.06.2007.

Зданович Г.Б. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. – С.49-66.

Зданович Г.Б. Ландшафтная археология. Челябинск, 2004.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007. – 260 с.

«Золотой человек» - курган Иссык. www.kidinfo.info/kurgan_issik.html

Краткие описания объектов Всемирного наследия. Перевод Р.Крогиуса, Н. Максаковского. www.heritage.unesco.ru

Кренке Н.А. Селитебно-хозяйственный комплекс железного века вокруг городища Дунино // Саввинские чтения. М.: Северный паломник. 2007. - С.280-282.

Кренке Н.А. Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Ближайшая сельская округа Москвы в XII-XIII вв. Система поселений и землепользования в долине р.Язвенки в XII-XIII вв. (по данным исследования парка «Царицыно») // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т.1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII-XIII вв./ Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. – 2004. – С. 51-125.

Кренке Н.А. Древнерусские памятники в долине р.Неглинной: «ландшафтная» гипотеза землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т.1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII-XIII вв./ Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. – 2004. - С. 278-293.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т.1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII-XIII вв./ Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. – 2004. – 447с.

Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.

Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск, 1978.

Куратов А.А. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы //Культура Русского Севера. Л., 1988. - С.13-31.

Мартынов А.И. О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М.: Институт Наследия, 2000.

Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. – С.80-87.

Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага. Архангельск – Соловки. – 2002. – 237 с.

Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 2000. Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 2000. – 151с.

Низовцев В.А. Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы. Ландшафтно-экологические условия и системы природопользования в древнерусский период в долине р. Язвенки. Опыт ландшафтной характеристики района Кремля и долины р. Неглинной // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т.1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII-XIII вв./ Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. – 2004. - С. 41-50, 116-120, 294-296.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова// Боспорский сборник. М. 1992. №1.

Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М., 1992, №2.

Паромов Я.М. Материалы к выделению культурно-исторических ландшафтов Тамани. // Археологический фактор в планировочной организации территории. М.: Институт Наследия, 1997. - С.189-213.

Погодин Л.И. Сохранение и мониторинг уникальных археологических ландшафтов // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М.: Институт Наследия, 2000.

Постановление Правительства республики Молдова №1009 от 5.10.2000г. // www.stroy.md/rus/decrees/91

Чернов С.З. Природное и культурное наследие долины Москвы-реки в окрестностях д. Дунино Одинцовского района Московской области (археологические и ландшафтно-археологические феномены наследия) // Саввинские чтения. М.: Северный паломник, 2007. - С. 283-290.

Brief Descriptions: Sites Inscribed in the World Heritage List. World Heritage Center UNESCO, Paris, January 2007.

Chang Claudia. Archaeological Landscapes: The Ethnoarchaeology of Pastoral Landuse in the Grevena Province of Greece // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. – P. 65-89.

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Paris, UNESCO, 2005.

Rossignol Jacqueline Concepts, Methods and Theory Building. A Landscape Approach // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. – P. 3-16.

Russel Stafford C. and Hajic Edwin R. Landscape Scale: Geoenvironmental Approaches to Prehistoric Settlement Strategies // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. – P. 137-161.

Space, Time and Archaeological landscapes. Edited by Jacqueline Rossignol and LuAnn Wandsnider. Plenum Press, New York, 1992. – 297 p.

World Heritage Center – Cultural Landscapes. <http://whc.unesco.org/en/culturallandscape>

Zvelebil Marek, Green Stanton W., Macklin Mark G. Archaeological Landscapes, Lithic Scatters, and Human Behavior // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. – P. 193-226